

на одни и те же грабли (рус.) — снова ехать по той же дороге, где опрокинулась повозка (кит.), ждать у моря погоды (рус.) — сидеть под деревом и ждать зайца (кит.).

И, наконец, следует отметить, что сама необычность, загадочность семантики фразеологических оборотов служит стимулом для их изучения иностранными учащимися, что, в конечном счете, создает предпосылки для использования фразеологизмов в качестве средства лингвистического обеспечения межкультурной коммуникации.

Литература

1. Баско, Н. В. Русская фразеология и межкультурная коммуникация / Н. В. Баско // Актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному и русскому как неродному: сборник статей / отв. ред. Л. С. Крючкова.— М., 2016.— С. 41–46.
2. Баско, Н. В. Русские фразеологизмы в ситуациях. Учебное пособие по русской фразеологии и развитию речи / Н. В. Баско.— М., 2011.
3. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров.— М., 1990.
4. Мокиенко, В. М. В глубь поговорки / В. М. Мокиенко.— М., 1975.
5. Телия, В. Н. Основные значения идиом как единиц фразеологического состава языка / Словарь образных выражений русского языка / под ред. В. Н. Телия.— М., 1995.— С. 10–16.
6. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова.— М., 2008.

Е. В. Беспалько

Запорожье, Запорожское музыкальное училище
имени П. И. Майбороды

Национальное и универсальное в художественном макрокосме Дугласа Коупленда

Глобализационные процессы, которые коснулись каждого человека на планете, пошатнули как поверхностные, так и более глубокие уровни культуры разных стран. Глобализация приводит к размыванию национальной специфики народов, поскольку это «универсальное распространение однородных культурных образцов и создание единой глобальной системы экономики и социального управления, происходящие неизбежно за счет абстрагирова-

ния от национальных и вообще любых специфических традиций и особенностей» [3, с. 228]. Эту проблему не могла не затронуть современная литература. Как утверждает Т. Струкова, «в романе XX–XXI вв. подвергаются художественной рефлексии условия существования личности не просто в урбанизированном, а в глобальном визуально-коммуникативном пространстве, которое стремительно тяготеет к единому стандарту. <...> Потеря культурного наследия, утрата неповторимой национальной идентичности приводит к тому, что целые народы становятся “лишенными корней”, атомизированными индивидуумами. <...> Мир, лишенный привязки к истории, языку, культуре и родству...» [9, с. 17–25].

Ярким примером такого взгляда на мир является творчество канадца Дугласа Коупленда. Мировая слава и статус культового писателя пришли к нему в начале 1990-х после выхода его первого романа «Поколение X». По словам С. Антоненко, творчество Д. Коупленда «начинает восприниматься как наиболее яркое выражение духа и стиля времени» [1, с. 176]. Сразу после выхода первого романа возник вопрос о принадлежности Д. Коупленда к канадской национальной литературе. Писатель был активно принят Штатами и даже впервые опубликован в американском издательстве, в контексте литературы Северной Америки его оценивают как «американского писателя, который создает канадский литературный экспорт» [8]. Помимо этого существует мнение, что Д. Коупленд затрагивает настолько глобальные и универсальные проблемы, что его можно считать гражданином мира. Черты космополитизма действительно свойственны его творчеству.

Однако вполне естественно, что большинство критиков рассматривают Д. Коупленда как канадского автора: его романы написаны на канадском материале, в них встречаются многочисленные примеры канадского сленга и идиоматических выражений, а также французская лексика. Его произведения отражают канадскую действительность, описывают канадскую природу и исторические события, что дает возможность установить связь с национальной традицией канадской литературы (Е. Уилсон, М. Этвуд, М. Ондатже). Как известно, единство человека и природы всегда было одной из центральных тем канадской литературы. У героев Д. Коупленда также особое отношение к природе. Например, героиня романа «Эй, Нострадамус!» не может не восхищаться канадскими пейзажами: *«I loved the world, its beauty and bigness as well*

as its smallness...powdered snow down to the middle gondola tower of Grouse Mountain by the third week of every October» [15, с. 10]. Природа вдохновляет героев, наполняет их легкие свежим воздухом, очищает от последствий экологического загрязнения как неотъемлемого условия жизни в мегаполисе: «The sun burned a girly pink over the mountain ranges to the west, and the city had yet to generate its daily smog blanket» [15, с. 3]. В то же время природа выступает антиподом синтетического быта: «The kitchen was generic North Van — lemon-lime freckled linoleum floor with four decades of wear patterns showing, SPCA fridge magnets, vitamins on the windowsill, and through that window, the primordial evergreen maw that continues from Lynn Valley until the end of the world» [15, с. 224].

Герои тесно связаны с природой, а ее загрязнение является для писателя метафорой загрязнения человеческой души. Автор подчеркивает самобытность природы страны, говорит о природе-целительнице, способной вернуть человека к жизни, дать ощущение родного дома. Например, в романе «Жизнь после Бога» главный герой убегает из центра шумного мегаполиса на окраину Ванкувера, чтобы там воссоединиться с природой.

Кроме того, в своих произведениях Д. Коупленд затрагивает вопрос национальных отличий американцев и канадцев. Например, в романе «Нормальных семей не бывает» писатель иронически указывает на то, что канадцы отличают себя от американцев, считают их странными и несколько «извращенными»:

'And Ted is such a Yankee.'

'Helena, you should see the packages his mother sends him — they make me dizzy. Heaps of sweaters and shirts — monogrammed, and inside a bundle of shirts there was, get this, a bottle of rye! From his mother! I can't imagine what his father sends him'

'A box of hookers.'

'Oh, Helena, stop!'

'Maybe a box of dead hookers. You know those Americans' [13, с. 49].

Сам писатель не отрицает тот факт, что Америка имеет существенное влияние на все уровни жизни канадцев, между двумя странами существует мембрана, через которую к ним проникает все американское, однако он уверен, что отличия есть, он довольно констатирует: «В 90-е в каждом ТВ-шоу нас убеждали, что нас полностью поглотит Америка, и мы потеряем политический и культурный суверенитет, но неожиданно, вопреки всем пророчествам, еще никогда не

было так уникально ощущать себя канадцем». М. Левин в статье «Когда появилась современная канадская литература?» отмечает: Д. Коупленд является достойным представителем канадской литературы и дополняет «плеяду выдающихся писателей, молодых одаренных прозаиков, которыми может гордиться Британская Колумбия, благодаря которым канадская литература сегодня — одна из самых интересных и стремительно развивающихся» [6, с. 5–6].

Таким образом, канадская литература имеет свою специфику, что определенным образом отразилось на творчестве Д. Коупленда. С. Кузнецов, исследуя его романы, отмечает непривычно активную роль именно канадских авторов в создании чрезвычайно популярных произведений современного искусства: «последние двадцать лет Канада дарит нам творцов суперкультовых направлений: кроме Коупленда можно назвать классика киберпанка Уильяма Гибсона, создателя фильма “Автокатастрофа” Дэвида Кроненберга и автора фильма “*Kissed*” Ли Стопкевич» [5, с. 99].

Современная канадская литература не стоит в стороне от общего литературного процесса. Из замкнутой, нацеленной на обслуживание внутреннего рынка, она превратилась в литературу, выходящую далеко за пределы Канады. Если ранее от экспортного писателя открещивались, то теперь вносят себе в заслуги. Это обусловлено пересмотром отношения к национальной литературе как со стороны государства, так и со стороны писателей, всеобщей популяризацией писательской деятельности. В 80-х годах прошлого века Н. Овчаренко в монографии «Англоязычная проза Канады» писала: «Если какое-нибудь произведение писателя-канадца было издано только в Канаде, то даже в среде канадской читательской аудитории оно оставалось непопулярным» [7, с. 10]. Еще во второй половине XX в. Канада стремилась сохранить национальную идентичность, а ее литература сводилась к ограниченной тематике, концентрировалась на канадской действительности (как правило, ограничивалась темой природы, животных и историей Канады) и не вызывала большого интереса в других странах, тем более в США. Однако уже сейчас ситуация кардинально изменилась. Из замкнутого культурного пространства она нашла выход в глобальное пространство, хотя во многом это стоило ей вопроса национальной идентичности. Подтверждением этого является мнение У. Фергюсона о современной канадской литературе. Один из подзаголовков его статьи

«Как быть канадцем» звучит так: «Потуги канадской литературы, или скоро в ближайшем мусорном ящике». Исследователь полагает, что персонажам канадского романа присущи следующие качества: «мужчины, особенно главы семейства, должны быть или агрессивными хмурыми алкоголиками, или жалкими неудачниками... Главная героиня — всегда жертва... Она должна подвергаться насилию, но должна уметь проявлять волю». У. Фергюсон советует описать семейное событие, ведь это самый простой способ собрать всех героев в одном месте без сюжетных хитростей и добавить в эту смесь «несколько диалогов о бывших изменах, несколько грязных секретов» [12, с. 307–308]. Таким образом, исследователь откровенно говорит о предсказуемости современной канадской литературы, которая вряд ли отражает национальное своеобразие. И романы Д. Коупленда не являются исключением, они практически списаны с предложенной У. Фергюсоном схемы.

Д. Коупленда интересует не традиционная Канада, а современная, глобализированная. Он признается: «Мы не привыкли быть модными и современными. Мы устали быть неинтересной маленькой Канадой». Таким образом, феномен Д. Коупленда основан не столько на передаче национального своеобразия своей страны, сколько на стремлении быть современным, учитывать в своем творчестве тенденции современного литературного процесса. Именно поэтому то, о чем пишет Д. Коупленд, выходит далеко за пределы канадской действительности, вопросов этнической и культурной уникальности.

Для многих критиков подтверждением того, что Д. Коупленд описывает американскую действительность, является тот факт, что роман «Поколение X» заканчивается статистическими данными о развитии экономики и изменениях уровня жизни именно в США:

«Количество рекламных роликов, которые американские дети успевают увидеть по телевизору до 16 лет — 350 000;

Количество убийств, которые среднестатистический ребенок успевают увидеть по телевизору до 16 лет — 18 000;

Количество людей, которых можно убить одним фунтом измельченного в порошок плутония (при попадании в организм через дыхательные пути): 42 000 000 000;

Запас плутония в США на 1984 год в фунтах: 380;

Произведение этих чисел: 16 000 000 000 000 000;

Процент людей в возрасте до 25 лет, которые живут в бедности: в 1979–20, в 1984–33;

Процент мужчин в возрасте 25–29 лет, которые никогда не были в браке: в 1970–18, в 1987–42» [4, с. 335–338].

Однако можно констатировать, что эти проблемы свойственны не только Америке. Проблемы влияния СМИ, насилия на экранах, ядерной угрозы, одиночества и распада института семьи актуальны для всего мира. О. Федосюк в статье «Образ Канады в англоязычной канадской прозе второй половины XX века» отмечает: «Транскультурализм лежит в основе мировоззрения Д. Коупленда... Его герои постоянно перемещаются по континенту, не замечая отличий между странами» [11, с. 92].

В документальной прозе «Воспоминания о Канаде» (2002) и «Воспоминание о Канаде 2» (2004) Д. Коупленд пытается найти ответ на вопрос: «Что делает нас канадцами?» По его мнению, это пивная бутылка, мороженое и гусь. Как утверждает В. Елистратов, культура, национальная идентичность в глобализованном мире становится предметом покупки-продажи: «Глобализация — это эпоха... регулированных экономических мод на культуры, языки и религии, мод-проектов на “духовные веяния” в связи с... материальными потребностями мировой экономики» [2, с. 21]. В своем ответе Д. Коупленд иронически намекает, что единственное, что отличает канадцев от всех других, — это форма бутылки, а остальное, на более глубоком уровне, одинаковое, поскольку унификация происходит на уровне сознания.

Поэтому Д. Коупленд ставит под сомнение необходимость обсуждения национально-культурной принадлежности в эпоху глобализации. Эпоха постиндустриального, информационного, потребительского общества стирает границы и отличия не только между жителями одной страны, но и обитателями всей планеты. Его романы ярко это иллюстрируют. Писатель не видит смысла говорить об уникальности, когда массовое сознание формируется СМИ, что приводит не к стремлению выделиться, а к стремлению «быть как все», «гнаться за модой», «идти в ногу со временем». Герой романа «Поколение X» говорит: «Кто откуда — в наши дни не имеет значения (поскольку всюду одни и те же магазины в одних и тех же торговых центрах). Мы все принадлежим к многочисленному интернациональному братству» [4, с. 12].

В романе «Планета шампуня» писатель описывает поколение, которое он называет «глобальные тинэйджеры» или «молодежь Беннетон», они живут по указке рекламы и слепо ей доверяют. По словам писателя, «это сироты торговых центров», их язык международный, ведь практически полностью состоит из брендов и названий товаров, у всех одинаковый вид, среднестатистические молодые люди в Сан-Хосе, Лоне и Нагасаки имеют много общего. То, о чем говорят герои Д. Коупленда, прекрасно известно во всем мире: «Ты говоришь словами из песни “Секс Пистолз”», «И что я делаю в доме этого Джеймса Бонда?», «Ты у нас прямо Нэнси Дрю». По словам писателя, все больше и больше людей получают доступ к одной и той же информации, а мир, которым правит Интернет, уже давно превратился в большое *global village*, в котором все обо всех могут узнать: «*Go to Google and put in ROME DISCO LIZ 1976 HIGH SCHOOL CANADA, Elizabeth. You'll see that a classmate of yours, Scarlet Hsley, has a large number of pages devoted to that trip*» [14, с. 161].

Таким образом, на примере творчества Дугласа Коупленда можно прийти к выводу, что в современной канадской литературе наблюдается как «рост национального самосознания, так и космополитизм, что является наиболее адекватным для канадской среды и современного канадского общества» [10, с. 257]. Несмотря на общую тенденцию канадской литературы к интеграции, нельзя категорически утверждать, что она теряет идентичность, ведь именно канадский мультикультурализм и лежит в основе канадской самобытности.

Литература

1. Антоненко, С. Поколение, застигнутое сумерками / С. Антоненко // Новый мир.— 1999.— № 4.— С. 176–179.
2. Елистратов, В. С. Глобализация и национальный язык / В. С. Елистратов // Вестник Московского Университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.— 2006.— № 4.— С. 21–28.
3. Ионин, Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие : учеб. пособие для студентов вузов / Л. Г. Ионин.— 3-е изд., перераб. и доп.— М., 2000.— С. 422–428.
4. Коупленд, Д. Generation Икс : роман / Д. Коупленд ; пер. с англ. В. С. Ярцева.— М., 2003.
5. Кузнецов, С. Певцы неизвестного поколения / С. Кузнецов // Иностранная литература.— 1998.— № 3.— С. 99–107.
6. Левин, М. Когда появилась современная канадская литература? / М. Левин // Иностранная литература.— 2006.— № 11.— С. 3–6.

7. Овчаренко, Н. Ф. Англоязычная проза Канады / Наталья Федоровна Овчаренко.— Киев, 1983.

8. Полишко, Н. Е. Роман Д. Коупленда «Поколение X» как отражение новых художественных тенденций в американской литературе конца XX века : дис. ... кандидата филолог. наук: 10.01.04 / Наталья Евгеньевна Полишко.— Днепропетровск, 2004.

9. Струкова, Т. Г. Диалог современного романа и мира / Т. Г. Струкова // Филология в системе современного университетского образования: материалы научной конференции 22–23 июня 2004 года. Выпуск 7 / Университет Российской Академии образования. Филологический факультет. Кафедра истории мировой литературы. Кафедра общего языкознания и русского языка. Редакционная коллегия: Н. А. Литвиненко, О. В. Карпова.— М., 2004.— С. 17–25.

10. Сухенко, И. Н. Специфика современного англоканадского «Рассказа о природе» в творчестве Р.Виба / И. Н. Сухенко // Вісник Дніпропетровського університету. Серія: Літературознавство. Соціальні комунікації, 2008.— Вип. 10.— С. 253–257.

11. Федосюк, О. А. Образ Канады в англоязычной канадской прозе второй половины XX века / О. А. Федосюк // США и Канада: экономика, политика, культура.— 2007.— № 12.— С. 85–99.

12. Фергюсон, У. Как быть канадцем : фрагменты книги / У. Фергюсон, И. Фергюсон // Иностранная литература.— 2006.— № 11.— С. 294–309.

13. Coupland, D. All Families are Psychotic / Douglas Coupland.— London, 2006.

14. Coupland, D. Eleanor Rigby / Douglas Coupland.— N.Y., 2005.

15. Coupland, D. Hey, Nostradamus! / Douglas Coupland.— London, 2004.

Л. М. Блинкова, Е. А. Дичковская

Минск, Белорусский государственный университет

Scaffolding Linguistic and Intercultural Goals in EFL with Simplified Novels and their Film Adaptations

Currently, one can witness a new emphasis on the inseparability of language and culture in the development of policies and programs for the teaching of foreign languages. For language learners, an awareness of the cultural facets of the language makes it easier to comprehend the topics and situations they encounter when reading or listening. Exposure to the culture of the people who speak the language being learned also leads to increased understanding and tolerance.